

География религии как раздел религиоведения: к постановке проблемы

Ольга Юрьевна Бойцова¹, Игорь Николаевич Яблоков²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ boytsova.oy@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

² i020561@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0005-5099-5143>

Аннотация. Актуальность обращения к осмыслению географии религии как раздела религиоведения обусловлена ростом популярности этой дисциплины в современном научном пространстве, с одной стороны, и её недостаточной концептуализацией, с другой. Высокий интерес к географии религии со стороны научного сообщества вызван её нацеленностью на осмысление теоретических и практических проблем, связанных с пространственными характеристиками религиозной жизни. В наши дни исследование территориальных аспектов сосуществования различных религиозных традиций приобретает особую злободневность в силу сочетания глобализационных тенденций со стремлением к сохранению аутентичной идентичности. Исторически проблемное поле и научный аппарат географии религии формировался с опорой на теоретические наработки и методологический инструментарий философии и различных научных дисциплин, что поддерживает терминологическую и методологическую полифонию в рамках этой дисциплины и препятствует её концептуализации. Цель представленной работы состоит в выявлении возможных оснований для отнесения географии религии к числу разделов религиоведения. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: выявлены истоки формирования географии религии; проанализирован подход к становлению географии религии с позиций географической науки; показано влияние философии религии на методологические основания географии религии; определены основные векторы взаимосвязи географии религии и религиоведения. Исследование ограничено европейской традицией изучения связи религии и географии. Его материалами послужили тексты классиков философской мысли, а также работы отечественных и зарубежных учёных, посвященных осмыслению географии религии как научной дисциплины. Для реконструкции позиции мыслителей по затронутым проблемам, выявления их зависимости от интеллектуального контекста и сравнения были использованы такие методы, как историко-философский анализ текста, дискурсивный анализ и компаративный анализ. Результатом исследования стало обоснование вывода о возможности и целесообразности отнесения географии религии к числу отраслей религиоведения. Такое позиционирование географии религии не противоречит

современному пониманию проблемного поля и задач данной дисциплины, как они сформулированы в рамках географической науки, и в то же время позволяет выявить перспективные исследовательские стратегии во взаимодействии с различными религиоведческими дисциплинами: философией религии, историей религии, антропологией религии, социологией религии и психологией религии.

Ключевые слова: концептуализация научной дисциплины, география религии, религиоведение, философия религии

Для цитирования: Бойцова О. Ю., Яблоков И. Н. География религии как раздел религиоведения: к постановке проблемы // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 51–63. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-51-63>

Research article

Geography of Religion as a Section of Religious Studies: Defining the Problem

Olga Yu. Boytsova¹, Igor N. Yablokov²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ boytsova.oy@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6117-4205>

² i020561@ya.ru

<https://orcid.org/0009-0005-5099-5143>

Abstract. The relevance of addressing the understanding of the geography of religion as a section of religious studies is on the one hand due to the growing popularity of this discipline in the modern scientific space, and on the other its insufficient conceptualisation. The high interest in the geography of religion on the part of the scientific community is caused by its focus on the comprehension of theoretical and practical problems related to the spatial characteristics of religious life. Nowadays, the study of territorial aspects of the coexistence of different religious traditions acquires a special urgency due to the combination of globalisation trends and the desire to preserve authentic identity. Historically, the problem field and scientific apparatus of the geography of religion has been formed with reliance on theoretical developments and methodological tools of philosophy and various scientific disciplines, which supports terminological and methodological polyphony within this discipline and hinders its conceptualisation. The aim of this work is to identify possible grounds for attributing the geography of religion to the sections of religious studies. To achieve this goal the following tasks were solved: the origins of the formation of geography of religion were revealed; the approach to the formation of geography of religion from the perspective of geographical science was analysed; the influence of philosophy of religion on the methodological foundations of geography of religion was shown; the main vectors of interrelation between geography of religion and religious studies were determined. The research is limited to the European tradition of studying the relationship between religion and geography. The study is based on the texts of the classics of philosophical thought, as well as the works of Russian and foreign scholars devoted to the comprehension of the geography of religion as a scientific discipline. To reconstruct the thinkers' position on the issues raised, to identify their dependence on the intellectual context and to compare them, such methods as historical and philosophical analysis of the text, discourse analysis and comparative analysis were used. The result of the study was the substantiation of the conclusion about the possibility and expediency of attributing the geography of religion to the branches of religious studies. Such positioning of geography of religion does not contradict the modern understanding of the problem field and tasks of this discipline as they are formulated within the framework of geographical science, and at the same time allows us to identify promising research strategies in interaction with various religious studies disciplines such as: philosophy of religion, history of religion, anthropology of religion, sociology of religion and psychology of religion.

Keywords: conceptualisation of scientific discipline, geography of religion, religious studies, philosophy of religion

For citation: Boytsova, O. Yu., Yablokov, I. N. (2025), 'Geography of Religion as a Section of Religious Studies: to the Problem Statement', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(2), pp. 51–63. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-2-34-51-63>

Введение

Проблематика взаимосвязи религиозных учений и практик, с одной стороны, и тех пространств, на которых они возникают и укореняются, с другой, всегда вызвали немалый интерес исследователей. Эта тематика традиционно входит в сферу интересов различных социогуманитарных дисциплин — таких как история, антропология, этнология, социология, политология, демография, регионоведение и др. В наши дни на ведущую роль в разработке данной проблематики претендует география религии.

Сегодня интерес к этой области знания стал особенно заметен как в академическом сообществе, так и в публичном пространстве [Новиков, 2023; Балабейкина, Дмитриев, 2021; Блей, 2023; Горохов, 2020; Fernando, 2020]¹. Во многом это обусловлено противоречивостью исторического периода, который мы переживаем. Углубление глобализационных процессов, грозящих нивелировать культурные и религиозные различия; активизация религиозных организаций, стремящихся наряду с расширением влияния во всех сферах социальной жизни сохранить и закрепить свою конфессиональную идентичность; далеко не всегда мирная «встреча конфессий» на внутриполитической и международной арене, настоятельно требующая выработки эффективных консенсусных стратегий, — сочетание этих разнонаправленных тенденций в условиях повышенной политической турбулентности с полным

правом можно считать характерной чертой нашего времени. Сосуществование вероисповеданий на общей территории выступает триггером социальной напряжённости, что хорошо заметно не только в «горячих точках» на карте мира, совпадающих с контактными зонами религий, но и в крупных городах и мегаполисах в рамках одной и той же страны [Смирнов, 2017; Мчедлова, 2016; Денисов, 2011].

В связи с этим возникает множество вопросов как сугубо прагматического, так и теоретического характера, связанных с бытованием различных религий в определённых локусах: от выделения участков земли под культовые сооружения и вплоть до методов мониторинга насыщенности религиозного ландшафта того или иного региона или определения критериев исторической и культурной легитимации присутствия отдельных религиозных общин на конкретной территории.

Соответственно, можно наблюдать и рост интереса к географии религии как перспективной отрасли знаний, специализирующейся на изучении всего комплекса вопросов, связанных с пространственными характеристиками религиозной жизни. Нарастающая популярность этой научной дисциплины проявляется прежде всего в увеличении числа публикаций по вопросам, имеющим отношение к данной тематике. Кроме того, нельзя не отметить активное инкорпорирование географии религии в образовательный процесс в высших и средних учебных заведениях, показателем чего может служить появление

¹ См. также: Ярцев А. Б. Экология религии: введение в проблематику // Институт философии Академии экосоциальных технологий. URL: <https://fig.ast.social/menu-news/8-ekologiya-religii-vvedenie-v-problematiku.html>; Handbook of the Geographies of Religion / Ed. by L. Kong, O. Woods, J. K.H. Tse. Cham: Springer, 2025. 1270 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-64811-3>

в последние десятилетия учебников и учебных пособий по данной дисциплине², в том числе предназначенных для обучения по направлению подготовки 47.03.03. «Религиоведение»³.

В то же время статус и место географии религии в системе наук на сегодняшний день не определены. К числу спорных вопросов относится определение её объекта, предметного поля, методологии и основных направлений. В результате несмотря на то, что к середине XX в. началась активная институционализация этой дисциплины (прежде всего как отрасли географической науки), до сих пор её концептуализация не завершена. Почти все исследователи отмечают, что в географии религии «отсутствует общепринятый понятийный аппарат и унифицированная терминология, нет единых теоретических подходов к проведению исследования, всё ещё не разработана система районирования территории по религиозному признаку, а также выделения и классификации таксономических единиц» [Шведова, 2015: 120–121].

Основной причиной недостаточной концептуализированности географии религии можно считать её гибридный характер. В рамках географии она занимает довольно скромную нишу в разделе социально-экономических направлений и считается частной дисциплиной, изучающей взаимовлияние географических и религиозных факторов, наряду с такими отраслями знаний, как, к примеру, география промышленности или география населения. Но при этом география религии выходит далеко за рамки географической науки, поскольку исторически её проблемное поле и научный аппарат формировался

с опорой на теоретические наработки и методологический инструментарий как философии, так и разных частных наук.

Истоки формирования географии религии

Несмотря на то, что сама география религии настолько молода, что признание за ней статуса автономной дисциплины всё ещё остаётся дискуссионным вопросом, история сбора информации о религиозных особенностях в разных уголках планеты насчитывает не одно столетие. Долгое время эти сведения существовали в виде фрагментарных описаний религиозных верований и обрядов разных народов, зачастую щедро одобренных фантазийными образами и сюжетами. Достаточно вспомнить «Илиаду» и «Одиссею» Гомера (письменные памятники датируются VIII в. до н.э.), «Теогонию», Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) или наиболее полный компендиум географических знаний Античности — труд Страбона (67/63–23/24 гг. н.э.) «География», в котором описаны также и боги, почитаемые разными народами. В западной культуре периоды Античности и Средних веков стали не только этапом аккумуляции всей доступной на то время информации, но и началом её аналитического осмысления — в том числе выявления причинно-следственных связей между местом обитания народа, с одной стороны, и религиозными обычаями и обликом божеств, которым он поклоняется, с другой.

Словосочетание «география религии» появилось значительно позже. Считается, что впервые оно было употреблено в работе «Religio Medici» (1642), принадлежащей перу английского энциклопедиста, врача

² См., к примеру: Лобжанидзе А. А., Горохов С. А., Заяц Д. В. География народов и религий: учебник и практикум для среднего профессионального образования. Москва: Юрайт, 2025. 203 с.; Захаров И. А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки. Москва: Институт Африки РАН, 2020. 148 с.; Дворников Ю. В., Дмитриева А. А. Этнология, этнография и география религий: учебное пособие. Практикум. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. 44 с.; Идиатуллин А. К. География религий: Курс лекций. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2022. 84 с.

³ См.: География религий: учебник / Под научн. ред. А. К. Погасия, под ред. Е. В. Кузьминой и Ю. Т. Тулянской. Москва: Кнорус, 2025. 448 с.; География и экология религий: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 47.03.03. / Сост. О. В. Пелевина. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2017. 26 с.

и путешественника Томаса Брауна (1605–1682)⁴. Это произведение, представлявшее собой некий «дневник души», практически никакого отношения к географии не имело. Но в силу огромной популярности, которую книга сохраняла на протяжении нескольких веков, введенный Брауном термин оказался в поле зрения европейской интеллектуальной элиты.

Следующей вехой стала публикация в 1795 г. немецкоязычного труда, в названии которого прямо говорится о связи географии и религии. Это была книга пастора Готтлиба Генриха Каше (1769–1831) «Идеи о религиозной географии», опубликованная в 1795 г.⁵ Как видно из заглавия данного труда, в этот период география религии и религиозная география не различались⁶; речь в первую очередь шла о том, как выглядит карта мира, составленная на основе изучения земель и народов, упомянутых в Библии, какова топография святых мест и ареалы распространения христианства. Формирование же собственно географии религии исследователи относят к середине XX в.

Детальную историю этой дисциплины ещё, видимо, предстоит написать. Хотя уже сейчас можно привести примеры весьма плодотворных усилий в этом направлении.

Становление географии религии с позиций географической науки

Одна из попыток построения с позиций географической науки аналитической версии (а не просто хронологического перечисления трудов) исторического развития географии религии представлена в работах С. А. Горохова [Горохов, 2019; 2020: 9–25]. Она безусловно заслуживает внимания, хотя в современной отечественной географии религии эта версия сосуществует с иными схемами эволюции данной дисциплины, построенными с позиций других

отраслей знания [Новиков, 2023; Балабейкина, Дмитриев, 2021; Шведова, 2015; Каргина, 2013; Денисов, 2011].

В качестве методологической опоры С. А. Горохов использует так называемую «бохумскую модель», предложенную в 1970-е – 1980-е гг. немецким географом, евангелическим теологом и историком науки Манфредом Бюттнером (1923–2016) для характеристики взаимовлияния религии и окружающей среды [Büttner, 1974; 1985]. По этой модели, данный процесс носит диалектический характер: в ходе своего становления религия оказывает влияние на физико-географическое и социальное окружение; соответственно, их изменение воздействует на религию, а изменившаяся религия, в свою очередь, вновь стимулирует преобразование среды. Бюттнер выделял три уровня этого процесса — социальный, идеологический и уровень видимых индикаторов.

Основываясь на «бохумской модели», С. А. Горохов выдвигает гипотезу, согласно которой «основные этапы развития географии религии связаны с достаточно длительным постоянством интереса исследователей к анализу какого-то одного или нескольких уровней (в определённом паритетном или непропорциональном соотношении)» [Горохов, 2019: 445]. По этому критерию он выделяет несколько этапов в становлении географии религии, выстраивая общую схему эволюции этой дисциплины, начиная с античных и средневековых исследований и вплоть до современного «постсекулярного этапа», который сформировался в рамках подхода «гуманистической» географии конца 1980-х — начала 1990-х гг. В данной схеме показаны ступени разграничения религиозной географии и географии религии, а также определены хронологические рамки, специфика и место в истории дисциплины таких направлений, как

⁴ См.: Browne T. *Religio medici*. New York: John B. Alden, 1839.

⁵ Kasche G. H. *Ideen über religiöse Geographie*. Lübeck, 1795.

⁶ Разделение понятий «религиозная география» и «география религии» произошло только в 1960-е гг. [Горохов, 2019: 446].

историческая география библейских времён, «старая» и «новая» разновидности церковной географии и теорий, построенные на физико-теологическом, детерминистском, социосекулярном, марксистско-ленинском и синтетико-аналитическом подходах [Горохов, 2019: 449].

Отдавая должное интересному, хорошо фундированному подходу и весьма стройной конструкции, предлагаемой С. А. Гороховым, нельзя не заметить, что из внимания автора практически полностью выпала философская составляющая формирования географии религии, не говоря уже о включённости данной дисциплины в религиоведение. Так, указывая, что на последнем, современном, этапе развития географии религии укрепляется взаимосвязь между географией и религиоведческими дисциплинами (в первую очередь с социологией религии), С. А. Горохов замечает: «Разумеется, взаимодействие представителей различных областей научного знания, изучающих религию, крайне важно... Однако, как представляется, слишком глубокое проникновение географов в сферу интересов теологии или философии религии ... несколько излишне» [Горохов, 2019: 444].

Не считая возможным поддержать эту позицию, как и детально останавливаться на доказательстве эвристической ценности союза географии религии с философией в рамках настоящей статьи, ограничимся указанием на то, что без опоры на философскую традицию не может идти и речи об успешной концептуализации научной дисциплины. Не только при рефлексии над основаниями своей науки, но и при работе с конкретными данными — будь то отбор релевантного материала или интерпретация результатов — любой учёный, в том числе и географ, неизбежно опирается на определённую философскую концепцию.

Философия религии как основа становления географии религии

Осмысление становления географии религии с позиций философии религии и религиоведения пока ещё остаётся поставленной — но не получившей окончательного решения — задачей. Укажем только на некоторые из вех, значимых для понимания формирования философских оснований географии религии.

Очевидно, что на процесс укоренения в западной социальной мысли идеи о наличии причинных связей между обществом и природой значительное влияние оказала немецкая классическая философия.

Иммануил Кант (1724–1804), преподавая географию в Кёнингсбергском университете, в разных трудах затрагивал вопросы, связанные с географическими аспектами разных наук. Анализируя проблемное поле географической науки в проекте «План лекций по физической географии и уведомление о них. 1757», философ отмечает, что «физическая география принимает во внимание только естественные свойства земного шара, а также то, что на нём находится: моря, сушу, горы, реки, атмосферу, человека, животных, растения и минералы», в то время как «сведения о народностях, об общении между людьми, определяемом формой правления, торговлей и взаимными интересами, а также о религии, обычаях и т.д.» является результатом политического исследования⁷. При этом Кант обосновывает необходимость объединения этих направлений в рамках одного академического курса: «Я ... рассматриваю все страны с географической точки зрения, дабы описать склонности людей, обусловливаемые климатом, в котором они живут, многообразие их предрассудков и образа мыслей, поскольку всё это

⁷ Кант И. План лекций по физической географии и уведомление о них. 1757 // Сочинения: в 6 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1963. С. 367.

может послужить более близкому знакомству человека с самим собой, а также дать общее представление об искусстве, торговле и науке, повествование об упомянутых уже выше продуктах Земли в надлежащих местах, свойствах воздуха и т. д. — одним словом, всё, что относится к физическому устройству Земли»⁸.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) также неоднократно писал о роли географического фактора в истории. Среди его работ можно выделить «Философию духа», третью часть важнейшего труда «Энциклопедия философских наук» (1817), где мыслитель изложил свою систему абсолютного идеализма. В «Философии духа» Гегель стремился «показать, что различия частей света являются не случайными, но необходимыми»⁹. Он полагал, что всеобщая жизнь природного духа дифференцируется на конкретные природные духи, выражающие природу географических частей света и образующие различные расы. Каждая раса отлична от других не только внешним образом жизни, занятиями, формами тела и predispositionностями, но в значительно большей степени — внутренними тенденциями и способностями интеллектуального и нравственного характера. Именно особенности духа народа обуславливают специфику государственного устройства и культуры страны, в котором этот народ проживает.

Для того, чтобы определить содержание духа народа, полагал Гегель, необходимо учитывать его связь с географической и климатической средой. «Неизменность климата, всей совокупности свойств и особенностей страны, в которой та или иная нация имеет своё постоянное местопребывание, способствует неизменности её характера. Пустыня, близость страны

к морю или удаленность от него — все эти обстоятельства могут иметь влияние на национальный характер»¹⁰, — писал философ.

Эти идеи Гегель позже развивал в лекциях, которые читал в Берлинском университете в 1822–1830 гг. Через шесть лет после его смерти они были изданы под названием «Лекции по философии истории» (1837). В своей версии философии истории Гегель выделил специальный раздел, озаглавленный «Географическая основа всемирной истории», в котором высказал суждение о воздействии климата и рельефа на характер народа, его религиозные традиции и политико-правовые устои¹¹.

Позиция философа носит однозначно европоцентристский характер. Он настаивает на том, что далеко не все народы можно считать историческими — т.е. такими, дух которых является основой движения мирового духа. Причину разделения народов на исторические и неисторические Гегель видит в климате и рельефе земной поверхности: «...таких стран, в которых развиваются всемирно-исторические народы, не может быть ни в холодном, ни в жарком поясе. ... В жарком и в холодных поясах для человека невозможны свободные движения, жар и холод являются здесь слишком могущественными силами, чтобы позволить духу создать мир для себя»; соответственно, «истинной ареной для всемирной истории и оказывается умеренный пояс, а именно его северная часть, так как в ней земля имеет континентальный характер и, как выражаются греки, её грудь широка. Наоборот, на юге она расчленяется на разнообразные выступления»¹².

Подробно рассматривая долю горных хребтов, равнин, плоскогорий и пустынь, а также наличия выхода к морю и площадь

⁸ Кант И. План лекций по физической географии и уведомление о них. 1757 // Сочинения: в 6 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1963. С. 373–374.

⁹ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. / Отв. ред. Е. П. Ситковский. Москва: Мысль, 1977. С. 60.

¹⁰ Там же, с. 67.

¹¹ Гегель Г. Лекции по философии истории / Пер. А. М. Водена. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 126–146.

¹² Там же, с. 126–127.

пространств, не содержащих внутренних природных границ, на разных континентах, философ приходит к выводу, что ни Америка, ни Африка, ни Австралия не могут считаться частями света, способными породить исторический народ.

К примеру, в Африке природные условия таковы, что наблюдать развитие духа не представляется возможным¹³, поэтому, и религиозная жизнь африканцев является неразвитой: ведь у них при наличии колдовства, фетишей и почитания предков «совершенно отсутствует знание об абсолютной сущности, которая была бы чем-то иным, более высоким по сравнению с ним самим»¹⁴.

Азия, с точки зрения мыслителя, является противоречивым континентом. В её географии сосуществуют территориальные различия, в силу которых азиатские народы, дав импульс всемирной истории, сами замерли в круговороте бытия. Поэтому признавая, что именно в Азии возникли все религиозные принципы, Гегель настаивает на том, что полное развитие они нашли только в Европе, которая смогла создать *Pax Christiana* — единую территорию господства христианской религии.

Безусловно, на понимание соотношения общества и природной среды в философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля большое влияние оказали работы Шарля Монтескьё (1689–1755). Монтескьё объяснял историческую и институциональную специфику различных стран с позиций деизма. Эта позиция позволяла ставить вопрос о естественных детерминантах социокультурного развития без отсылки к божественной

воле как главной причине устройства общества. В работе «О духе законов» (1748) в качестве фундаментальных основ, определяющих и характер общественного развития, он называл климат, почву и состояние земной поверхности. Именно климат, по убеждению мыслителя, влияет на формирование институциональных основ общества. Общественные институты связаны между собой и обусловлены не только обстоятельствами своего возникновения, но и целями законодателя, а также порядком вещей, в рамках которого они утверждаются. Совокупность всех этих отношений образует то, что называется духом законов. Различие духа законов у разных народов и является причиной различия в их социальном, культурном и политическом порядке, и конечно же, в религиозных представлениях и обычаях¹⁵.

Установка на поиск зависимости социальных институтов от географических факторов стала базовой в методологической традиции географического детерминизма.¹⁶ Оформи́вшись во второй половине XVIII в., эта традиция доминировала в европейской социальной мысли — в том числе и в географии религии — вплоть до конца 1940-х гг.

Однако с начала XX в. приобрёл популярность интерес к обратному вектору корреляции между географическими параметрами и религиозными феноменами, а именно, к проблемам воздействия религии на окружающую среду и последствий этой интеграции — во-первых, и связи человека и территории его обитания — во-вторых [Fickeler, 1947; Sopher, 1967].

¹³ Исключение составляет север данного континента, однако Гегель полагает возможным пренебречь этим, поскольку считает этот регион принадлежащим скорее к Средиземноморью, чем к Африке, и утверждает, что «то, что происходило ... на её севере, относится к азиатскому и европейскому миру» (Там же, с. 143).

¹⁴ Там же, с. 138.

¹⁵ См.: Монтескьё Ш. Л. О духе законов / Пер. с фр. А. Горнфельда. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.

¹⁶ Её французская ветвь шла от Шарля Монтескьё к основателю географической школы в социологии Фредерику Ле Пле (1806–1882), а немецкая — от родоначальника геоморфологии Оскара Пешеля (1826–1875), выдвинувшего идею разграничения территорий по религиозному основанию, к основоположнику геополитики Фридриху Ратцелю (1844–1904). (Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. Москва: К. П. Победоносцев, 1897; Peschel O. Völkerkunde. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 570 s.; Ratzel F. Politische Geographie. München, Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1897. 715 s.) Одной из работ, оказавших существенное влияние на становление географии религии, можно считать публикацию Вильгельма Гебеля «Ислам — религия пустыни» (Gebel W. Der Islam — die Religion der Wüste // Beihefte zu den Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur. Breslau: G. P. Aderholz' Buchhandlung, 1922. P. 104–133).

Так, шведский антрополог, один из основателей «экологии религии» *Оке Хульткрантц* (1920–2006) выделил несколько уровней интеграции религии в окружающую среду. *Первичная* интеграция подразумевает адаптацию к ней базовых элементов культуры, которые обусловлены деятельностью людей, обеспечивающей их существование в определённых природных условиях. Соответственно, от этих условий и от этой деятельности напрямую зависят и религиозные верования и обряды социальных групп и сообществ. *Вторичная* интеграция представляет собой «адаптацию религиозных верований и обрядов к определённой социальной структуре, которая, в свою очередь, моделируется в процессе экологической адаптации культурного ядра. Другими словами, экология сначала вносит свой вклад в формирование социальной структуры, а затем влияет на религию»¹⁷. *Морфологическая* интеграция проявляется в том, что объекты, находящиеся на определённой территории, входят в религиозные практики населяющих её людей. При этом они могут приобретать символическое значение или даже сакральный смысл, использоваться в обрядах и ритуалах, входить в мифолого-ритуальный комплекс etc. [Hultkrantz, 1966; Hultkrantz, 1979]¹⁸

В XXI в. тезис о том, что воздействие религии и географического пространства является взаимонаправленным, практически не оспаривается. С одной стороны, на формирование религиозных верований и практик, картин мира и образа жизни немаловажное влияние оказывает среда обитания. С другой стороны, доктринальные положения и ритуальные практики, лежащие в основе деятельности религиозных институтов и отдельных верующих, оказывают влияние не только на социальную жизнь, но и на облик территории, на которой расселены носители тех или иных религиозных традиций. Речь идёт об

особенностях религиозно обусловленных способах хозяйствования (землепользования, предпринимательства, потребительского поведения etc.) и отношения к окружающей среде, о густоте поселений и представленности элементов культовой инфраструктуры, о вовлечённости природных объектов в религиозные ритуалы, о суммарном эффекте воздействия различных конфессий на одну и ту же территорию.

Векторы взаимосвязи географии религий и религиоведения

Ныне в отечественном религиоведении по вопросу о выделении в структуре науки о религии такого раздела, как география религии, единого мнения не достигнуто. Тем не менее, такое решение представляется оправданным и перспективным.

Не претендуя на выработку своего определения объекта и предмета географии религии, представим абрис тех сегментов её проблемного поля, которые представляются значимыми для понимания её как раздела религиоведения.

1) Каждая религия предстаёт в определённом географическом хронотопе. И исторические, и актуальные описания религиозных традиций всегда содержат указание на их пространственно-временные координаты и включают их в географический контекст. Для географии религии представляется важной разработка тематической области, связанной с изучением специфики среды обитания носителей религиозности, включая анализ взаимовлияния их представлений и практик, с одной стороны, и географических параметров (климата, космических геотектонических процессов, характера поверхности территорий, богатства или скудости животного и растительного мира), с другой. При этом следует признать целесообразным более тесное взаимодействие географии религии

¹⁷ Hultkrantz Å. Ecology // The Encyclopedia of Religion / Ed. by M. Eliade. Vol. 4. New York: Macmillan, 1987. P. 583.

¹⁸ См. также: Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения: учебное пособие. Москва: Академический Проект, 2007. С. 215–228; Ярцев. А.Б. Экология религии: введение в проблематику. URL: <https://fig.ast.social/menu-news/8-ekologiya-religii-vvedenie-v-problematiku.html>

с такими дисциплинами, как история религии, психология религии, социология религии и философия религии.

2) География религии основывает свои исследования в том числе на данных о геокоординатах религий. Эти данные содержатся в самых различных источниках — от вещественных до художественно-изобразительных и нарративных. Они издавна служат основой для светских и конфессиональных учений о религии, для интерпретаций местоположения появления и распространения конкретных вероисповеданий и трактовки их роли в социальных процессах регионов и мира в целом. Разнообразие самих источников (правовых и политических документов, светских и церковных хроник, исторических и агиографических сочинений, проповедей, наставлений etc.), которые зачастую содержат противоречащие друг другу сведения (так же, как и несовпадение их толкований в рамках разных исследовательских стратегий) требуют разработки методологии их отбора, изучения и выбора критериев классификации. В данной области география религии тесно связана с философией религии, антропологией религии и историей религии.

3) В настоящее время перспективным представляется более активное взаимодействие географии религии с социологией религии и психологией религии при изучении религиозного ландшафта, исторически сформировавшегося в результате объединения природных и антропогенных объектов и явлений на конкретной территории под воздействием религиозных представлений и практик населяющих её людей.

В частности, к таким задачам можно отнести:

- установление ареалов проживания носителей религиозности, а также границ и интенсивности духовного и материального влияния конкретных вероисповеданий на социальную сферу в конкретных регионах;

- разработку топографии мест, значимых в рамках религиозных традиций;
- выявление локализации природных и антропогенных объектов, вовлечённых в религиозные практики;

- прослеживание динамики представленности на конкретной территории религиозных объединений.

4) К числу перспективных сегментов проблемного поля географии религии можно отнести изучение динамики религиозного ландшафта, в том числе мониторинг тех процессов миграции в рамках отдельных стран или в планетарном масштабе, которые детерминированы исключительно религиозными или же смешанными (религиозно-экономическими, религиозно-политическими, религиозно-экологическими etc.) факторами. В разработке этой тематики география религии тесно связана с социологией религии, антропологией религии и историей религии.

5) Для достижения большей строгости понятийного аппарата географии религии необходимо уделять внимание трансформации смыслового наполнения базовых географических терминов с учётом их включённости в исторический контекст. Не менее значима данная тематика для религиоведения, в первую очередь, — для изучения религиозных картин мира и языка религии. В рамках психологии религии, социологии религии и философии религии научный интерес представляет анализ географических именований, которые в религиозном сознании, религиозных текстах и изображениях присутствуют как в прямом, так и в символическом значении.

К подобным геопространственным обозначениям можно отнести такие лексемы, как «небо (небеса)», «земля», «море», «горы», «холм», «долина», «луг», «берег», «исток», «город (град)», «оазис», «облака», «пустыня (пустынь)» etc. Как известно, в религиях Древнего мира подобные именования олицетворялись и представляли в облике богов¹⁹ или сакральных

¹⁹ К примеру, слово «небо» («небеса») используется практически во всех религиозных традициях или как синоним для обозначения высшего божества (Уран и Зевс в Древней Греции, Нут в Древнем Египте, Тянь в Китае, Тенгри в тюркской мифологии, Варуна в индуизме, Умвелинканги у зулусов, Ао у маори, etc.), или для обозначения местопребывания как богов и ангелов, так и святых и праведников в их посмертии.

пространств²⁰, но и в современном общественном сознании — в том числе и светском — многие из этих географических именований сохраняют смыслы, аккумулярованные за века употребления в рамках религиозных нарративов. Координированное изучение роли географических именований как в семантике общей культуры повседневности, так и в картинах мира, представленных в теологических построениях, в вернакулярных формах традиционных религий и в учениях новых религиозных движений, безусловно, является одной из перспективных задач религиозоведческих дисциплин.

Заключение

На основании проведённого исследования можно утверждать, что с религиозоведением географию религии связывают особые отношения. Более того, эту дисциплину правомерно рассматривать как раздел религиозоведения.

С одной стороны, не следует забывать, что фундаментом сравнительного религиозоведения, которое в XIX в. конституировало себя как научную дисциплину, стал материал, накопленный за многовековую традицию изучения религиозной жизни обитателей разных земель. Таким образом, знания о локусах различных религий имели первостепенное значение для религиозоведения. С другой стороны, проблемное поле географии религии исторически формировалось и продолжает складываться в диалектической взаимосвязи с различными субдисциплинами науки о религии.

Так, *философия религии* выполняет методологическую функцию по отношению к географии религии, которая, в свою очередь, фиксирует геотопные аспекты

философского осмысления религии (к примеру, выступая основой выработки типологии религий на основании их геокоординат).

Взаимодействие с *антропологией религии* и *историей религии* предстает в стратегии изучения геопространственной динамики явленности различных религий — от родоплеменных до мировых.

Взаимодействие с *антропологией религии* и *социологией религии* реализуется при исследовании социокультурных основ возникновения, а также фиксации времени и локусов существования и воспроизведения религиозных традиций и их влияния на другие области культуры.

Психология религии предоставляет данные о психических явлениях в жизни индивида и о психическом общении индивидов в группах, раскрывает многообразие религиозного опыта и формирует представление о религиозном чувстве, что позволяет географии религии дифференцировать индивидуальный и групповой уровни в изучении локусов религий в хронотопном геопространстве.

Таким образом, географию религии можно трактовать как совокупность научных положений, включённых в целостную систему частнонаучных и философских знаний в религии. Такой подход не имеет неразрешимых противоречий с пониманием содержания проблемного поля, а также целей, задач и векторов развития данной дисциплины, достигнутым в рамках географической науки. В то же время, рассмотрение географии религии как раздела религиозоведения может способствовать успешной концептуализации этой дисциплины и наметить перспективные исследовательские стратегии, значимые для современной науки о религии.

²⁰ Например, в буддизме пустыня служит символом просветления, в исламе — ниспослания человечеству Откровения; в иудаизме — земли, где Бог избрал еврейский народ; в христианстве — места искушения и одновременно преодоления бренности бытия, где путь может указать только вера. (см.: Ле Гофф Ж. Пустыня-лес на средневековом Западе // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Под ред. С. К. Цатуровой. Москва: Прогресс, 2001. С. 85–102; Ильяудинов И. Пророк Мухаммад. Жизнеописание лучшего из людей. Санкт-Петербург: Диля, 2021. 576 с.).

Список литературы:

- Балабейкина О. А., Дмитриев А. Л. Конфессиональное регионоведение: направления и подходы в исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26, № 5. — С. 45–56. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.4>
- Блей Х. Д. Власть места // Экономическая социология. — 2023. — Т. 24, № 2. — С. 49–68. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-2-49-68>
- Горохов С. А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. — 235 с.
- Горохов С. А. География религии в России и за рубежом: История развития и новые вызовы // Вопросы истории естествознания и техники. — 2019. — Т. 40. № 3. — С. 439–467. <https://doi.org/10.31857/S020596060005925-9>
- Каргина И. Г. Картография современного религиозного разнообразия // Международные процессы. — 2013. — Т. 11. № 3–4. — С. 34–44.
- Смирнов М. Ю. Некоторые черты религиозной жизни в российском мегаполисе // XXI Царско-сельские чтения. Том I. — Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2017. — С. 102–106.
- Денисов С. Г. Религиозные отношения в условиях гиперурбанизации: проблемы социологического анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2011. — Т. 29, № 3–4. — С. 222–226.
- Мчедлова М. М. Религиозно-мировоззренческий фактор и межнациональные отношения в России // Научный результат. Социология и управление. — 2016. — Т. 2, № 3. — С. 40–44. [10.18413/2408-9338-2016-2-3-40-44](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2016-2-3-40-44)
- Новиков А. Н. География и регионоведение: интеграция, конвергенция, синергизм // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2023. — Т. 29, № 2. — С. 91–100. <https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-2-91-100>
- Шведова В. В. Становление географии религий как научной дисциплины в общественно географической познавательной области // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2015. — № 4. — С. 113–124.
- Büttner M. Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers // *Numen*. — 1974. — Vol. 21, No 3. — P. 163–196. <https://doi.org/10.2307/3269772>
- Büttner M. Grundfragen der Religionsgeographie. — Berlin: D. Reimer, 1985. — 286 s.
- Fernando W. V. N. Geography of Religion; a cultural, geographical Analysis // *International Journal of Social Science and Technology*. — 2020. — Vol. 5, No 5. — P. 13–19.
- Fickeler P. Grundfragen der Religionsgeographie // *Erdkunde*. — 1947. — Bd. 1, H. 4/6. — S. 121–144.
- Hultkrantz Å. An Ecological Approach to Religion // *Ethnos*. — 1966. — Vol. 31, No 1–4. — P. 131–150.
- Hultkrantz Å. Ecology of Religion: Its Scope and Methodology // *Science of Religion Studies in Methodology*. — Berlin, Boston: De Gruyter, 1979. — P. 221–236. <https://doi.org/10.1515/9783110814507.221>
- Sopher D. E. Geography of Religions. — Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1967. — 118 p.

References:

- Balabeykina, O. and Dmitriev, A. (2021) 'Confessional Regional Studies: Directions and Approaches in Research', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (5), pp. 45–56. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.4>
- de Blij, H. (2023) 'The Power of Place: Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape (excerpt)', *Journal of Economic Sociology*, 24(2), pp. 49–68. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-2-49-68>
- Buttner, M. (1974) 'Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers', *Numen*, 21(3), pp. 163–196. <https://doi.org/10.2307/3269772>
- Büttner, M. (1985) *Grundfragen der Religionsgeographie*. Berlin: D. Reimer.

- Denisov, S. G. (2011) 'Religious relations under the conditions of hyperurbanization: problems of social analysis', *State, religion and church in Russia and worldwide*, 29(3–4), pp. 222–226. (In Russian).
- Fernando, W. V. N. (2020) 'Geography of Religion; a cultural, geographical Analysis', *International Journal of Social Science and Technology*, 5(5), pp. 13–19.
- Fickeler, P. (1947) 'Grundfragen der Religionsgeographie', *Erdkunde*, 1(4/6), pp. 121–144.
- Gorokhov, S. A. (2019) 'Geography of religion in Russia and abroad: the history of development and the new challenges', *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 40(3), pp. 439–467. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S020596060005925-9>
- Gorokhov, S. A. (2020) *Geography of religions: development cycles of the global religious landscape*. Moscow: Unity-Dana Publ. (In Russian).
- Hultkrantz, Å. (1966) 'An Ecological Approach to Religion', *Ethnos*, 31(1–4), pp. 131–150.
- Hultkrantz, Å. (1979) 'Ecology of Religion: Its Scope and Methodology', in *Science of Religion. Studies in Methodology*. Berlin; Boston: De Gruyter, pp. 221–236. <https://doi.org/10.1515/9783110814507.221>
- Kargina, I. G. (2013) 'Mapping global religious diversity', *International trends*, 11(3–4), pp. 34–44. (In Russian).
- Mchedlova, M. M. (2016) 'Religious and the worldview factors and interethnic relations in Russia', *Research result. Sociology and Management*, 2(3), pp. 40–44. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2016-2-3-40-44>
- Novikov, A. N. (2023) 'Geography and Religious Studies: Integration, Convergence, Synergy', *Transbaikal State University journal*, 29(2), pp. 91–100. (In Russian). <https://doi.org/10.2109/2227-9245-2023-29-2-91-100>
- Shvedova, V. V. (2015) 'Formation of geography of religion as a scientific discipline of social geographical cognitive area', *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Šolom-Alejhema*, (4), pp. 113–124. (In Russian).
- Smirnov, M. Yu. (2017) 'Nekotoryye cherty religioznoy zhizni v rossiyskom megapolise [Some features of religious life in the Russian metropolis]', in *XXI Tsarskosel'skiye chteniya. Tom I*. [21 Tsarskoye Selo Readings. Vol. 1]. Saint Petersburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A. S. Pushkina Publ., pp. 102–106. (In Russian).
- Sopher, D. E. (1967) *Geography of Religions*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Бойцова — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский» (Россия).

Игорь Николаевич Яблоков — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский» (Россия).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Olga Yu. Boytsova — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building "Shuvalovsky", 119991, Russia.

Igor N. Yablokov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Teaching and Scientific Building "Shuvalovsky", 119991, Russia.

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 09.06.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 09.06.2025.